

Николай Полевой

**Хань-вынь-
ци Мын.**

Китайская Грамматика,...

Николай Алексеевич Полевой Хань-вынь-ци Мын. Китайская Грамматика, сочиненная монахом Иакинфом

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=663795

Аннотация

«Почетное мѣсто занимаетъ между литераторами Русскими почтенный о. Иакинѣъ, и безспорно, *первое* между оріенталистами Русскими по своимъ практическимъ и полезнымъ трудамъ. Отнюдь не думаемъ мы унижать нашими словами другихъ почтенныхъ людей, занимающихся у насъ Востокомъ и его языками и литературами, каковы г-да Френъ, Шмидтъ, Ковалевскій, Сенковскій, и другіе...»

Содержание

* * *

4

Конец ознакомительного фрагмента.

11

Николай
Алексеевич Полевой
Хань-вынь-ци Мынь.
Китайская Грамматика,
сочиненная монахомъ
Іакинѳомъ. Напечатанная
по Высочайшему повелѣнію.
Спб. въ литографіи
Гемильяна, 1838 г.,
въ 4, XXII и 237 стр.

* * *

Почетное мѣсто занимаетъ между литераторами Русскими почтенный о. Іакинѳъ, и безспорно, *первое* между оріенталистами Русскими по своимъ практическимъ и полезнымъ трудамъ. Отнюдь не думаемъ мы унижать нашими сло-

вами другихъ почтенныхъ людей, занимающихся у насъ Востокомъ и его языками и литературами, каковы г-да Френъ, Шмидтъ, Ковалевскій, Сенковскій, и другіе. Но никто изъ нихъ донынѣ не показалъ однакожъ болѣе трудолюбія по своему предмету, не приготовилъ столько матеріяловъ для другихъ по своей части, не передалъ столько любопытнаго изъ того, что сдѣлалось ему извѣстно. Донынѣ издано о. Іакинѣомъ около девяти переводовъ и сочиненій, касательно Китайскаго востока. Сюда принадлежать его *Записки о Монголіи* (путешествіе изъ Пекина до Кяхты, описаніе и исторія Монголіи); *Исторія первыхъ четырехъ Хановъ Монголіи*, начиная съ Темудзина; *Исторія Тибета и Хухунора*; *Историческое обозрѣніе Ойратовъ, или Калмыковъ*; *Описаніе Чжунгаріи* (Зюнгоріи) *и Восточнаго Туркистана*; Планъ и описаніе Пекина; наконецъ *Троесловіе*, элементарная книга Китайцевъ. Не говоримъ о полемическихъ сочиненіяхъ нашего хинолога, по поводу споровъ съ разными Европейскими учеными; не говоримъ и о приготовляемомъ, и уже конченномъ въ рукописи обширномъ сочиненіи, которое надобно почестъ самымъ лучшимъ и подробнымъ, систематическимъ описаніемъ Китая, и энциклопедіею, такъ сказать, всѣхъ знаній Китайцевъ. Это сочиненіе, когда будетъ оно издано, безъ сомнѣнія, превзойдетъ все, что только было донынѣ извѣстно въ Европѣ касательно Китая.

Обращаясь къ новому, только что изданному теперь о. Іакинѣомъ труду, его Китайской Грамматикѣ, скажемъ, что со-

чиненіе это не уступает важностью другимъ трудамъ нашего почтеннаго литератора, и проливаетъ совершенно новый и ясный свѣтъ на предметъ малоизвѣстный, и до сихъ поръ ложно представляемый, отличаясь своею ясностью, краткостью, систематикою, и полнымъ и совершеннымъ познаніемъ дѣла, отъ всего, что донынѣ было писано о Китайскомъ языкѣ и его грамматикѣ.

Если съ одной стороны, надобно изумляться многообъемлемости знаній человѣческихъ, то съ другой не менѣе изумительны ограниченность и односторонность нашего частнаго ученія. Увлекаясь какимъ нибудь однимъ предметомъ, какимъ нибудь однимъ занятіемъ, мы до того пренебрегаемъ все остальное, что ученое невѣжество наше становится иногда истинно смѣшнымъ. Исключительность ученія вашего производитъ гордое презрѣніе къ тому, чего мы не знаемъ, вредитъ общему просвѣщенію и образованію нашему, и благодаря тому и другому, до сихъ поръ поддерживается въ свѣтѣ несчастное повѣрье и присловье: *наука долга, а жизнь коротка*. Наука долга и коротка, смотря по тому, какъ мы глядимъ на нее; долга она, если каждое знаніе постараемся мы знать до возможныхъ подробностей, и коротка, если званіе наше ограничимъ мы главнымъ, общимъ, существеннымъ. Намъ возразятъ, что такое знаніе недостаточно, поверхностно, но достаточно-ли его совершенное незнаніе? Что касается до обвиненія въ поверхностности, то едва ли будетъ оно справедливо въ семъ случаѣ. Возьмемъ въ примѣръ язы-

коученіе: можно рѣшительно выучиться всякому языку въ годъ, такъ чтобы читать и понимать все, писанное на немъ, и — жизни человѣческой не достанетъ на изученіе даже своего роднаго языка, которымъ говоримъ мы съ малолѣтства! Но должно ли назвать «поверхностнымъ» знаніе того или другаго языка, если я, вполне понимая писанное на немъ, умѣю передать сокровища его на свой языкъ, зная грамматическія основанія его, не могу писать на этомъ языкѣ, не могу отдать отчета въ его исторіи, филологическихъ трудностяхъ, палеографической лѣтописи? Обратимъ нашъ примѣръ къ другому, и спросимъ: не долженъ-ли, напримѣръ, поэтъ знать главныхъ основаній естествознанія, или филологъ математики? Незнаніе самыхъ главныхъ основаній того и другаго не сдѣлаетъ-ли идеи ихъ неполными, мыслей сбивчивыми и ложными? Но такъ водится обыкновенно въ свѣтѣ, и наши поэты увѣряютъ, что имъ для поэзіи вовсе нѣтъ надобности вѣдать великія тайны природы, а филологи говорятъ, что математика есть наука, изсушающая душу. За то ученые мстятъ имъ совершеннымъ презрѣніемъ съ своей стороны, хотя математикъ является не менѣе забавенъ, ограничиваясь только плюсами и минусами, а зоологъ не восходя далѣе копытъ и зубовъ четвероногаго. Какъ будто нарочно, каждый путается послѣ сего въ мелкой дробіи своего познанія, клеитъ частныя системы, загораживается отъ другихъ ученою номенклатурою, и дѣйствительно, каждая наука, изъ яснаго, чистаго простаго вѣдѣнія дѣлается схоласти-

ческою путаницею, говорить своимъ непонятнымъ языкомъ, становится какимъ-то Египетскимъ гіерофантисмомъ.

Неужели не явень и не ощутителень вредъ, происходящій отъ всего этого? если бы науки и знанія дружески подавали одна другой руки, совѣтовались взаимно, поясняли взаимно языкъ и идеи свои, истинная польза произошла-бы для ученія вообще, приложилась къ общественной практикѣ, облегчила, упростила новыя открытія, сняла съ умовъ кандалы мелкихъ понятій и превратныхъ идей, происходящихъ отъ упрямой близорукости и ученаго невѣжества. Изученіе общихъ истинъ всякаго знанія полезно всякому, и повѣрьте, что оно совсѣмъ не трудно, если мы не затруднимъ его вздорною схоластикою и ложными системами.

Всѣ сіи мысли, неоднократно приходившія намъ въ голову, невольно пришли намъ опять при чтеніи любопытнаго сочиненія о. Іакинѣа.

Есть у насъ какія-то закоренѣлыя особенно понятія о томъ, или о другомъ. Мы привыкли, напримѣръ, считать Баконна реальнымъ философомъ, Спинозу безбожникомъ, и къ такимъ предразсудкамъ принадлежатъ наши понятія о Китаѣ вообще, и Китайскомъ языкѣ особенно. Мы смѣемся надъ понятіями Китайцевъ объ Европѣ, но не въ правъ ли Китайцы смѣяться надъ нами, если бы слышали и понимали, что говоримъ и думаемъ мы объ нихъ? Ни одинъ изъ чуждыхъ нашего образованія народовъ не представляется намъ такимъ непонятнымъ, такимъ страннымъ, какъ Китайцы. Не по-

стигая первобытной исторіи ихъ, не умѣя разгадать будущности *Великой Небесной Имперіи*, мы видимъ въ Китайцахъ что-то не человѣческое, окаменѣлое, пестрое, растительное, не вѣримъ мудрости ихъ философіи, величію ихъ политической самобытности, отчисляемъ ихъ въ антиподы рода человѣческаго. Намъ не совѣстно кажется оставлять въ забвеніи сотни милліоновъ самаго крайняго Востока, царство, имѣющее столь великое, политическое и нравственное вліяніе на Японію, Монголію, Среднюю Азію, восточный Индѣйскій полуостровъ, Малайскій архипелагъ, народъ, обладавшій великими тайнами искусства гораздо прежде насъ, и одинъ изъ древнѣйшихъ въ мірѣ народовъ по образованію. Не споримъ о пользѣ изученія Востока Санскритскаго, Арабскаго, Персидскаго, но почему забываемъ мы Китайскій Востокъ? Почему не хотимъ мы даже заглянуть въ Китайскую литературу? Изученіе ея неужели не подарило бы насъ новыми и важными истинами? Между тѣмъ, изученіе Китая, познаніе языка его и литературы совершенно пренебрежены въ Европѣ. Мы сохраняемъ еще донинѣ множество ошибочныхъ извѣстій, какія доставлены были намъ старинными миссіонерами, вѣримъ рассказамъ путешественниковъ невѣждъ, мимоходомъ глазѣвшихъ на лаковые жилища и изразцовыя башни Китайцевъ, извѣстіямъ переданнымъ черезъ десятки руки, пустымъ компиляціямъ. Во Франціи только въ послѣднее время стали заниматься немного Китайскимъ языкомъ. Англія донинѣ оказываетъ удивительное хладнокровіе къ

Китаю, въ сравненіи съ темъ, что она сдѣлала для остальнаго Востока. Послѣ трудовъ О. Іакинѣа, насъ, Русскихъ, конечно, не упрекнутъ въ подобномъ равнодушіи, вспомня притомъ посильные наши прежніе труды, и особенное попеченіе правительства нашего, которое учредило теперь практическую школу Китайскаго языка въ Кяхтѣ, и каѳедру Китайскаго языка въ Казанскомъ Университетѣ.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.